

Блаженства Господни (евангельская правда и „правда“ современного социализма)¹⁾.

Когда то народъ, стекавшійся на берега Иордана послушать великаго проповѣдника покаянія и принести плоды достойные покаянія, спрашивалъ Крестителя: „что же намъ дѣлать?“ (Лук. 3, 10). „Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему; и у кого есть пища, дѣлай то же. Прииди и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что намъ дѣлать? Онъ отвѣчалъ имъ: ничего не требуйте болѣе опредѣленнаго вамъ. Спрашивали его также и воины: а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ“ (Лук. 3, 11—14).

Въ наше тревожное время, полное всякихъ сомнѣній, колебаній, духовнаго раздвоенія, часто слышится тотъ же вопросъ: „что же намъ дѣлать?“ Для многихъ это вопросъ мучительный, жгучій,—вопросъ наболѣвшей, изстрадавшейся души, не удовлетворенной разными современными философскими и социальными ученіями. На этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ все Евангеліе Христово, которое, къ величайшему прискорбію, мы мало читаемъ и мало знаемъ, а иногда знакомимся съ нимъ по трудамъ явныхъ его противниковъ. Но есть такіа мѣста Евангелія, въ которыхъ на указанный вопросъ получаемъ отвѣтъ особенно ясный, и въ

1) Чтеніе въ Киевскомъ Религіозно-просвѣтительномъ Обществѣ, 21 ноября 1908 г.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

то же время общій и принципіальній, — такія мѣста, гдѣ нравственное ученіе Господа сконцентрировано какъ бы въ нѣкоемъ фокусѣ. Ель такимъ мѣстамъ относятся *блаженства Господни*, гдѣ рисуется намъ идеаль правды Христовой, опредѣляются тѣ качества, которыя отличаютъ истиннаго члена царства Божія. Поэтому на блаженствахъ Господнихъ,—на уясненіи ихъ смысла мы и намѣреваемся остановитъ ваше вниманіе, въ увѣренности, что это можетъ много помочь намъ въ опредѣленіи задачи, характера и цѣли христіанской дѣятельности. Объ этомъ предметѣ не мало написано, но, быть можетъ, намъ удастся иногда обратить вниманіе на такія стороны Христовыхъ блаженствъ, которыя до сихъ поръ въ нашей литературѣ не вполне выдвинуты, не получили еще надлежащаго освѣщенія.

„Преподаваемое ученіе“—говоритъ св. І. Златоустъ— „Христосъ излагаетъ не въ видѣ увѣщаній или повелѣній, а въ видѣ блаженства, дѣлая, такимъ образомъ, проповѣдь Свою занимательнѣе, и для всѣхъ открывая поприще учены. Не сказалъ: такой то и такой блаженъ, а—всѣ такъ поступающіе блаженны, такъ что, хотя бы ты былъ рабомъ, бѣднякомъ, нищимъ, безпріютнымъ, необразованнымъ, нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы быть тебѣ блаженнымъ“¹⁾. На мѣсто грознаго повелительнаго Синайскаго слова здѣсь слышимъ кроткое и нѣжное: „блаженны“, которое покоряетъ самое черствое сердце. „Блаженны!“—это не значитъ: „да будутъ они блаженны“, а всѣ эти нищие духомъ, плачущіе, кроткіе—всѣ они уже въ настоящемъ своемъ состояніи блаженны, т. е. счастливы, и въ послѣдствіи достигнутъ *полнаго блаженства*, либо стоятъ на пути къ нему.

¹⁾ Творенія, т. VII (изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи 1901), стран. 151.

Девять разъ повторяется въ рѣчи Христа: „блаженны“, и потому обычно насчитываютъ девять блаженствъ, хотя девитое блаженство представляетъ только ближайшее разъясненіе восьмага блаженства, такъ что уже нѣкоторые отцы и учителя Церкви говорили только о восьми блаженствахъ (бл. Иеронимъ)¹⁾. Совершенно несправедливо нѣкоторые (напр. Мейеръ, Ланге) насчитываютъ семь блаженствъ²⁾, ибо восьмое блаженство: *блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное* никакъ нельзя считать простымъ повтореніемъ перваго блаженства. Равнымъ образомъ не вѣрно различать и 10 блаженствъ (Деличъ), ибо слова: *радуйтесь и веселитесь* не есть замѣна: „блаженны“, и дальнѣйшія слова составляютъ ближайшее разъясненіе сказаннаго раньше о гоненіи за правду.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльно cadaго Господни блаженства,—прежде всего по тексту Евангелія Матоея.

I.

Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное.

Учениковъ Христа, приступившихъ къ Нему, несомнѣнно давно занимала мысль о мессіанскомъ царствѣ, имѣющемъ открыться. Они ожидали его внѣшняго величія, вышней славы, думали о его земномъ устроении и могуществѣ. Даже предъ вознесеніемъ Господа они спраши-

¹⁾ Большинство новѣйшихъ экзегетовъ различаютъ именно восемь блаженствъ (*C. Keil, Commentar über das Evangelium des Matthäus Leipzig. 1877, S. 133; th. Zahn, Kommentar zum Neuen Testament, herausg. v. Th. Zahn: Das Evangelium des, Matthäus, Leipzig, 1903, S. 177*).

²⁾ *Lange, Bibelwerk, Das Neue Testament, Th. I, Leipzig, 1868, S. 61. H. Meyer. Kritisch-exeg. Kommentar, 1 Abth., 1 H., 8 Aufl., Göttingen, 1890, S. 88.*

ваютъ Его: „не въ сіе ли время, Господи, возстановиши Ты царство Израилю?“ (Дѣян. 1, 6) И вотъ, по словамъ Златоуста, они теперь слышатъ столь необычное, столь противное общему понятію: *блаженни нищии духомъ*. Мысль здѣсь не та, что бѣдные, нищие—несчастливы, по своей внѣшней жизни, но они блаженны „духомъ“,—въ своей внутренней жизни,—ибо евангельское: „духомъ“ нельзя связывать непосредственно съ: „блаженны“, а оно относится, какъ ближайшее опредѣленіе, къ „нищимъ“: нищіе духомъ блаженны. Мысль здѣсь и не та, что блаженны тѣ нищіе, бѣдные, которые раздали свое имѣніе добровольно, отъ сердца, отъ души, по влеченію своего духа, ибо евангельское „духомъ“ изъясняется въ такомъ случаѣ въ высшей степени искусственно. Нѣтъ, Христосъ Спаситель не ублажаетъ ни бѣдности самой по себѣ, ни добровольной нищеты, а Его блаженство относится именно къ нищенству духомъ. Что же это за нищенство духомъ? Это совершенно не то, что бѣдность духа, его слабость, безсиліе, немощность, ибо такихъ свойствъ духа Христосъ Спаситель, конечно, не могъ ублажать. „Нищии духомъ“ ясно сознаетъ всю безконечную задачу нравственнаго уподобленія Богу и смиряется предъ этою задачею. Онъ живо чувствуетъ скудость достигнутаго имъ духовнаго содержанія, бѣдность обладанія имъ высшими духовными благами, и это побуждаетъ его всѣми силами стремиться къ достиженію этихъ благъ. Нравственная задача безконечно высока, самъ же и немощенъ, а потому необходимо, забываѣ заднее, простирается впередъ (Филип. 3, 13). „Нищенство духомъ“, такимъ образомъ, не признакъ слабости, безсилія и косности, а свидѣтельство силы, высоты духа, его движенія къ духовному совершенству. Всякій духовный прогрессъ необходимо предполагаетъ, что мы не удовлетворены тѣмъ, что имѣемъ, въ противномъ же случаѣ, при нашемъ нравственномъ самодовольствѣ, наступаетъ нравственная смерть. Что говоритъ Господь ангелу

Лаодикійской церкви: „ты говоришь: „я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды“; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Апок. 3, 17). Вотъ необходимый результатъ нравственнаго самодовольства... Гордому фарисею, молитва котораго имѣетъ такой характеръ: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь: пощусь два раза въ недѣлю. даю десятую часть изъ всего, что приобретаю“ (Лук. 18, 11. 12),—этому гордому и заносчивому фарисею совершенно незнакомо евангельское нищенство духомъ. Оно свойственно мытарю, который, „стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но, ударивъ себя въ грудь, говорилъ: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшному“ (Лук. 18, 13) Вотъ нищенство духомъ!

Христосъ Спаситель ублажаетъ не нищихъ, не бѣдниковъ, не пролетаріевъ, какъ грубо ники въ некоторые выражаются, а Онъ считаетъ блаженными нищихъ духомъ. Евангельскій Закхей, начальникъ мытарей, былъ богатъ, и въ то же время нищъ духомъ, когда онъ „искалъ видѣть Іисуса“, и, при обѣтованіи Христомъ спасенія его дому, сказалъ: „Господи, попоvincу имѣніи моего и отдамъ нищимъ и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо“ (Лук. 19, 2—8). И, наоборотъ, можно быть нищимъ, бѣднымъ, бездомовнымъ и не имѣть никакого евангельскаго нищенства духомъ, что мы и дѣйствительно такъ часто наблюдаемъ. Съ евангельской точки зрѣнія бѣдность сама по себѣ не есть добродѣтель, какъ и богатство не можетъ быть признано само по себѣ зломъ: все зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на ту и другое, какъ мы къ нимъ относимся.

Несомнѣнно, что „нищенство духомъ“ часто соединяется и съ матеріальною бѣдностью и нуждою, но это вовсе не есть связь необходимая. „Ницій“ (πτωχός въ отиличіе отъ πένυς)—это человѣкъ „склоненный, наклоненный“, нуж-

дающійся вообще въ помощи (не матеріальной только). Когда псаломѣвецъ взываетъ: „призри на меня и помилуй меня, ибо я одинокъ и нищъ“ (Пс. 24, 16), то тутъ, конечно, не разумѣется то нищенство, которое простираетъ руку за подаяніемъ. Точно также когда псаломѣвецъ молится: „я нищъ и страдаю; помощь Твоя, Боже, да возставитъ меня“ (Пс. 68, 30); или: „я бѣденъ и нищъ; Боже, поспѣши ко мнѣ! Ты помощь моя и избавитель мой; Господи, не замедли“ (Пс. 69, 61); то ясно каждому, что здѣсь имѣется въ виду нравственный нищета. Нищіе духомъ могутъ быть и бѣдняками, но не послѣдніе за свою именно бѣдность ублажаются Христомъ. Противоположность „нищимъ“ составляютъ гордые, надменные, нечестивые (Пс. 11, 5. 6. 9). „Нищіе“—это люди смиреннаго духа и сокрушеннаго сердца (Пс. 33, 7. 19). Такихъ „нищихъ“ разумѣетъ Христосъ, когда говоритъ, что они благовѣствуютъ евангеліе (Матѣ. 11, 5 ср. Лук. 7, 22; Лук. 4, 18, ср. Ис. 61, 1; 57, 15).

Какъ извращаютъ поэтому слова Христа современные социалисты, которые говорятъ, что Христосъ Спаситель былъ великимъ социальнымъ реформаторомъ, желавшимъ освободить низшіе, страдающіе классы населенія,—что христианство было отвѣтомъ на социальный вопросъ въ Римѣ ¹⁾ и т. п. Въ блаженствѣ Христа имѣется въ виду внутренняя жизнь человѣка, его внутреннее настроеніе. „Нищенство духомъ“—это понятіе не социально-экономическое, а религиозно-нравственное; оно обозначаетъ состояніе свободное, а не вынужденное какими нибудь неблагоприятными социальными условіями ²⁾.

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей брошюрѣ: „Евангеліе, какъ основа жизни (по поводу современныхъ социально-экономическихъ вопросовъ)“, изд. 2, Кіевъ, 1907, стр. 19 и дал.

²⁾ Ср. *Th. Zahn, Das Evangelium d. Matthäus*, S. 183.

Прекрасно изъясняетъ данныя слова Спасителя св. Г. Златоустъ. „Что значить: нищіе духомъ? Смиренные и сокрушенныя сердцемъ. Духомъ Онъ называлъ душу и расположение челоуѣка. Такъ какъ есть много смиренныхъ не по своему расположенію, а по необходимости обстоятельствъ, то Онъ, умолчавъ о такихъ (потому что въ томъ не велика слава), называетъ прежде всего блаженными тѣхъ, которые по своей волѣ смиряютъ себя и уничижаютъ. Почему же не сказалъ Онъ: смиренныя, а сказалъ: *нищіе*. Потому что послѣднее выразительнѣе перваго; нищими Онъ называетъ здѣсь тѣхъ, которые боятся и трепещутъ заповѣдей Божіихъ, которыхъ и чрезъ пророка Исаію Богъ называетъ угодными Себѣ, говоря: *на кою воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2) ¹⁾.

Яко тѣхъ есть царствіе небесное. Таково величайшее благо, приносимое нищенствомъ духа. Много въ нашей литературѣ написано въ разъясненіе понятія: „царство небесное“, или „царство Божіе“. Мы считаемъ здѣсь необходимымъ сказать только слѣдующее.

„Царство небесное“, въ противоположность царству внѣшне-политическому, какъ представляли его современные Христу іудеи, есть царство, основанное Сыномъ челоуѣческимъ, сошедшимъ съ небесъ, и потому царство, приносящее на землю духовныя блага. Это—царство Христа, Сына любви (Ефес. 5, 5; Кол. 1, 13). Оно царство мира, правды, духовнаго возрожденія челоуѣчества. Это царство „небесное“ и по его происхожденію, и по тѣмъ благамъ, какія оно приносить, и по тѣмъ началамъ, какія въ немъ господствуютъ, и по той послѣдней цѣли, къ осуществленію которой оно приводитъ. Видимую свою форму царство Божіе принимаетъ въ Церкви и чрезъ нее распространяется на землѣ.

¹⁾ Творенія, т. VII, стран. 149—150.

О царствѣ небесномъ въ Евангеліи говорится, что оно пришло и что оно еще придетъ; оно въ одно и то же время и настоящее, и будущее. Это потому, что полное откровеніе царства небесныхъ благъ наступитъ только при второмъ пришествіи Сына человѣческаго.

Грубо погрѣшаетъ тотъ, кто думаетъ, что „царство небесное“ (обычное выраженіе въ Евангеліи Матвея) есть царство потустороннее, а—„царство Божіе“ есть царство посюстороннее ¹⁾. Для такого различенія въ Писаніи нѣтъ ни малѣйшаго основанія, ибо у другихъ Евангелистовъ говорится о „царствіи Божіемъ“ тамъ, гдѣ у Матвея рѣчь идетъ о „царствіи небесномъ“ (ср. Марк. 1, 15 и Мате. 3, 2). Ср. Лук. 6, 20.

Нельзя разрѣшать царство Божіе и въ простую совокупность нравственныхъ благъ. Оно есть царство, гдѣ Царемъ является Богъ и Его воля служить закономъ жизни и дѣятельности. Оно возрастаетъ, расширяется, включаетъ въ себя до времени добрыхъ и злыхъ (Мате. 13, 24 и дал.). Одна только сторона царствія Божія, именно, принесенныя имъ на землю духовныя блага, разумѣется въ такихъ выраженіяхъ: „царство Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17), или: „царство Божіе внутри васъ есть“ (Лук. 17, 21).

Царство небесное принадлежитъ нищимъ духомъ; оно есть ихъ царство; они его члены, живо ощущающіе въ себѣ его высшія духовныя блага. Но полными его наслѣдниками они содѣлаются только въ царствѣ славы ²⁾. Моментъ настоящий и моментъ будущій объединяются, какъ увидимъ, во всѣхъ Христовыхъ блаженствахъ.

¹⁾ Такъ свящ. *Г. Петровъ*, Евангеліе, какъ основа жизни, 4 изд., С.-Петербургъ, 1900 г., стран. 82 и дал.

²⁾ Исключительно эсхатологическій моментъ въ понятіи „царства небеснаго“ выдвигаетъ напр. *Цанъ* (Das Evang. d. Matthäus, S. 191—193).

Не царство небесное занимаетъ, конечно, мысль современнаго социализма, часто лицемерно прикрывающагося высокимъ евангельскимъ словомъ. Всѣми своими корнями онъ вросъ въ землю и помышляетъ только о томъ, какъ бы лучше устроиться здѣсь на землѣ. Христіанскіе идеалы отодвигаются имъ на задній планъ и Евангеліе совершенно оземляется.

Неизмѣримая высота нравственной христіанской задачи дѣлаетъ человека смиреннымъ, и она же побуждаетъ его къ развитію, усовершенствованію, нравственному христіанскому прогрессу. Но тутъ же ясно сознается, сколько труда, нравственнаго подвига, самоотверженія, борьбы съ чувственностью требуетъ осуществленіе этой высочайшей задачи богоуподобленія. „Царство небесное силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его“ (Матѣ. 11, 12). Тутъ „тѣсны врата и узокъ путь... и немногіе находятъ ихъ“ (Матѣ. 7, 14; ср. Лук. 13, 24).

А потому:

II.

Блаженни плачущіи, яко тѣмъ утѣшаются ¹⁾.

Блаженство Господне, какъ и первое блаженство, при-
мыкаетъ къ словамъ пр Ісаіи, которыя Христосъ приво-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ и переводахъ и у нѣкоторыхъ отцовъ Церкви на второмъ мѣстѣ поставляется блаженство: *блаженни кротцыи*. Но это чтеніе, принимаемое Тимендорфомъ (I, р. 16), Триджелсомъ и другими, весьма мало завѣрно (D, одинъ минускулъ—33, нѣкоторые до-Иеронимовскіе переводы, Vulg., бл. Иеронимъ и др.). Можетъ быть оно возникло потому, что послѣ: *яко тѣмъ есть царство небесное* считали за лучшее поставить, въ виду противоположности неба и земли: *яко тѣмъ насладятъ землю*. (Ср. C. Keil, S. 134—135. Anmerk; 1h. Zahn, Op. cit. S. 184; P. Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Matthäus, Freiburg, 1879, S. 163).

дять въ Своей бесѣдѣ, сказанной въ Назаретской синагогѣ: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя благовѣстити нищимъ, посла мя исцѣлѣти сокрушенныя сердцемъ... проповѣдати ѿбо Господне пріятно“ (Лук. 4, 18; Ис. 61, 1. 2) И далѣе у пророка читаемъ: „утѣшити вся плачущіи, дати плачущымъ Сіона славу вмѣсто пѣсла, помазаніе веселіе плачущымъ, украшеніе славы вмѣсто духа унынія“ (Ис. 61, 3). Слова пророка имѣютъ еще теократически-политическую, національную основу,—разумѣется окончаніе плѣна, избавленіе Израиля отъ постигшихъ его бѣдъ, а блаженство Господне всецѣло носитъ характеръ духовный, религиозно-нравственный. Но и пророкъ говоритъ: „утѣшайте, утѣшайте люди моя, глаголетъ Господь“ (Ис. 40, 1), ясно указываетъ, что это утѣшеніе необходимо связано съ духовною переменною, съ нравственнымъ обновленіемъ, возрожденіемъ Израиля (40, 2). Къ духовной переменѣ, духовному плачу, а не къ тому политическому плачу, которымъ плакали современныи Христу іудеи, подпавшій подъ иго Рима, и возводитъ нашу мысль Христово блаженство.

Несомнѣнно, мы много плачемъ и страдаемъ. Но плачь за правду, за добро,—плачь, связанный съ нравственнымъ усовершенствованіемъ, нравственнымъ трудомъ, сравнительно мало намъ знакомъ. Плачемъ мы потому, что считаемъ себя обиженными судьбою; плачемъ потому, что дѣла наши идутъ не особенно хорошо; плачемъ, что другіе возвышаются, а мы остаемся безъ всякаго движенія. Это хорошо знакомый намъ плачь и сѣтованіе (ср. 2 Коринѣ. 7, 10). Но плакать потому, что сами мы дурны и желаемъ стать лучшими,—плакать въ нравственномъ трудѣ, въ нравственной борьбѣ, въ моральномъ подвигѣ,—о, это признакъ высокой души!... Тутъ требуется окинуть взоромъ свое прошлое и свое настоящее, углубиться въ себя, жить внутреннею христіанскою жизнью, а мы обычно вращаемся, такъ сказать, на поверхности своей души. Плачь этотъ иногда соеди-

няется съ нуждою и бѣдностью, но не этотъ послѣдній плачь ублажается Христомъ. Чрезъ духовную печаль—къ духовной радости, чрезъ нравственный трудъ—къ нравственному утѣшенію, чрезъ духовный подвигъ—къ духовному благу,—таково ученіе Евангелія. И мы по опыту хорошо знаемъ, сколько истинной, самой высокой радости въ томъ, что я уже погибалъ и вновь духовно ожилъ,—что наступилъ благодатный моментъ нравственного перелома и отрешенія. Мы „плачемъ“, и значитъ Богъ близокъ къ нашей душѣ, мы становимся лучше, добрѣе и счастливѣе.

Евангеліе не есть Евангеліе плача, а Евангеліе радости, но таковъ уже законъ жизни, и въ частности жизни нравственной, что только чрезъ трудъ и подвигъ мы возвышаемся къ радости и утѣшенію. Плачетъ истинный ученикъ Христовъ... И спросать его, о чемъ онъ плачетъ,—спросать и. пожалуй, усмѣхнется, ибо недовѣдома міру тайна этого плача. О, это ужасная усмѣшка!... Но Господь зрить эти слезы,—зрить и дастъ утѣшеніе!... Если же подъ „плачущими“,—какъ это дѣлается нынѣ,—разумѣютъ низшіе, обездоленные классы, которые получаютъ для себя утѣшеніе путемъ уничтоженія капиталистическаго строя, то на мѣсто Евангелія Христоваставляется, если можно такъ выразиться, Евангеліе марксизма. Тутъ уже о Евангеліи подлинномъ, Евангеліи Господнемъ, не можетъ быть никакой рѣчи.

Кто, сознавши высокую христіанскую нравственную задачу, ясно видитъ въ себѣ препятствующую ея осуществленію силу зла, тотъ усматриваетъ эту силу, такъ часто торжествующую, и внѣ себя, въ мірѣ, среди другихъ. И онъ „плачетъ“,—плачетъ, чтобы добро восторжествовало, чтобы царство Божіе водворилось на землѣ и воли Божія исполнялась здѣсь такъ же, какъ она исполняется на небѣ.

Но со зломъ нельзя бороться зломъ; неправды никогда не побѣдимъ неправдою. Тутъ нужна другая совершенно

противоположная сила, о которой говорится въ слѣдующемъ блаженствѣ.

III.

Блажени кротции, яко тѣи наслѣдять землю! Слышимъ въ другомъ мѣстѣ Христа глаголющаго: „прїидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы; возьмите иго мое на себе и научитесь отъ мене, яко *кротокъ есмь* и смиренъ сердцемъ, и обряцете покой душамъ вашимъ.“ (Матѣ. 11, 28, 29). И пророкъ говоритъ о Христѣ: „се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасай, *той кротокъ*“ (Зах. 9, 9, ср. Матѣ. 21, 5). И вотъ божественный Учитель, Самъ образъ кротости, Царь кроткій, ублажаетъ кроткихъ: *блажени кротции!* Кто эти „кроткіе?“ Тѣ, которые спокойно переносятъ всякаго рода обиды, несправедливости; это—благочестивые терпѣливцы; они ввѣряютъ себя Божіей волѣ, Божьему промыслу. Противоположность кротости составляетъ всякаго рода возмущеніе, недовольство, желаніе отстоять свое право вопреки силѣ. „Кроткіе“ часто восхваляются въ книгѣ псаломской: Господь „направляетъ кроткихъ къ правдѣ и научаетъ кроткихъ путямъ Своимъ.“ (24, 9); Господь возстанетъ на судъ и спасетъ „кроткихъ земли“ (75, 10); Господь ихъ прїемлетъ, а грѣшныхъ смиряетъ (Пс. 146, 6); къ нимъ благоволитъ Господь и „вознесетъ кроткіи во спасеніе“ (Пс. 149, 4).

Эти „кроткіе“, по слову Спасителя, *наслѣдять землю*. О какой „земли“ здѣсь идетъ рѣчь? Величайшій экзегетъ св. І. Златоустъ замѣчаетъ: „Нѣкоторые говорятъ, что наслѣдять землю духовную. Но это несправедливо. Въ Писаніи нигдѣ не упоминается о землѣ духовной. Что же значатъ эти слова? Христосъ разумѣетъ здѣсь чувственную награду... Примѣняясь къ тѣмъ слушателямъ, которые болѣе предаются чувственному и прежде ищутъ настоящаго, нежели будущаго, Христосъ не поощряетъ ихъ будущими только

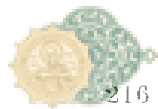
благамъ, но и настоящими... Такъ какъ кроткій человѣкъ можетъ подумать, что онъ теряетъ все свое имущество, то Христосъ общаетъ противное, говоря, что онъ то безопасно и владѣетъ своимъ имуществомъ; онъ ни дерзокъ, ни тщеславенъ; кто же, напротивъ, будетъ таковымъ, тотъ можетъ лишиться и послѣдственнаго имѣнія¹⁾. „Земля“ является вообще обозначеніемъ земнаго благоденствія, земнаго счастья: послѣднее дается кроткимъ, а не насильникамъ. Въ такомъ болѣе или менѣе чувственномъ смыслѣ понимаетъ наслѣдованіе земли псалмопѣвецъ, когда говоритъ: „Живи на землѣ и храни пегину... дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа наслѣдуютъ землю. Еще немного и не станетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто, и вѣтъ его. А кроткіе наслѣдуютъ землю, и насладятся множествомъ мира“ (Пс. 36, 3. 9—11).

Такъ, если хотите, блаженство Христово разрѣшаетъ, пожалуй, и вопиющій многихъ аграрный вопросъ. „Кроткіе наслѣдуютъ землю“: они безопасно владѣютъ своимъ имуществомъ, а дерзкіе—употребляя слова св. І. Златоуста—могутъ лишиться и послѣдственнаго имѣнія.

Но уже псалмопѣвецъ говоритъ: „праведники наслѣдуютъ землю и будутъ жить на ней во вѣкъ“ (Пс. 36, 29). Очевидно, но земля только обѣтованная предпослается вдохновенной мысли псалмопѣвца. Кроткіе являются вообще наслѣдниками божественныхъ обѣтованій,—тѣхъ благъ, которыя уготовалъ Богъ. Обѣтованіе полученія земли является только символомъ высшаго обѣтованія. Наслѣдовать землю тоже, что наслѣдовать царство Божіе, содѣлаться его участникомъ; это царство Божіе открылось на мѣсто ветхозавѣтной теократіи.

Иудеи ожидали, что Мессія будетъ политическимъ царемъ, всемірнымъ обладателемъ, покорителемъ враждебныхъ

¹⁾ Т. VII, стран. 152—153.

пмъ народовъ; іудеи, находящіеся подъ владычествомъ Рима, склонны были ко всякимъ революціоннымъ дѣйствіямъ. А Христосъ научаетъ: *блаженни кротцыи, яко тѣмъ нисѣдятъ землю*. Будьте спокойны въ страданіяхъ, не возмущайтесь, не прибѣгайте къ насилію, и восторжествуете надъ своими врагами, и будете блаженны.

Какъ безконечно уклонились отъ этого евангельскаго ученія тѣ же социалистическія теоріи, прикрывающіяся христіанствомъ и въ тоже время говорящія о насиліи, о захватномъ правѣ. Нѣтъ, страшное и ужасное: „экспроприруйте“ не приведетъ къ „наслѣдованію земли“... Сегодня ты вырвалъ, а завтра у тебя такъ же насильно вырвутъ... А кроткіе явятся побѣдителями, ибо кротость, опирающаяся на любви и терпѣніи, побѣждаетъ самыхъ злыхъ враговъ. Кротость евангельская не есть какое-нибудь малодушіе. „Когда мы, видя другихъ оскорбляемыми, не защищаемъ ихъ, а молчимъ, это—малодушіе; когда же, сами, получая оскорбленія, терпимъ, это—кротость“¹⁾. Кротость вступаетъ за права другихъ, но она никогда не знаетъ насильственныхъ мѣръ. Кротость есть доказательство силы, высоты духа, ибо кротки не потому, что потеряли свою волю, а по той причинѣ, что воспитали ее на началахъ самоотверженія и подчиненія еи высшей божественной волѣ. „Кто не мститъ за себя, тотъ едвали оставить безъ защиты другихъ... Кротость есть признакъ великой силы; чтобы быть кроткимъ, для этого нужно имѣть благородную, мужественную и весьма высокую душу“²⁾.

Слова: „наслѣдятъ землю“ нѣкоторые понимаютъ въ томъ смыслѣ, что это наслѣдваніе произойдетъ въ тысяче-

1) *Св. І. Златоустъ*, Творенія, т. IX, стран. 418.

2) *Ibid.*

лѣтнемъ царствѣ Христовомъ¹⁾ Но ни Евангелія, ни апостольскія посланія нигдѣ не заключаютъ ученія о земномъ, чувственомъ тысячелѣтнемъ царствѣ Христа, въ которомъ праведные будутъ наслаждаться всякими чувственными благами. Ученіе это стараются утвердить на Апокалипсисѣ, гдѣ говорится о связаніи сатаны на тысячу лѣтъ (20, 2) и о первомъ воскресеніи праведныхъ, послѣ котораго они воцарятся со Христомъ на тысячу лѣтъ (Апок. 20, 4). Но Апокалипсисъ есть книга таинственная, пророческая: здѣсь пророческія созерданія выражаются въ символахъ, образахъ, которые нельзя толковать буквально. Христосъ говоритъ: „видѣхъ сатану яко мѣнѣю съ небесе спадша“ (Лук. 10, 18), а въ Апокалипсисѣ читаемъ: „и увидѣхъ я Ангела, сходящаго съ неба.. и имѣющаго большую цѣпь въ рукѣ своей. Онъ взялъ дракона, змѣя древняго, который есть діаволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ“ (Апок. 20, 1. 2). Смыслъ этихъ образовъ одинъ и тотъ же,—что сила зла, сила сатаны, Христомъ связана, христіанство побѣдило язычество,—связана эта сила на тысячу лѣтъ, т. е. на неопредѣленное время, въ какомъ смыслѣ неопредѣленно длительнаго промежутка времени „тысяча лѣтъ“ употребляется у псалмопѣвца: „тысяща лѣтъ предъ очима твоими, Господи, яко день вчерашній“ (89, 5, ср. 2 Петр. 3, 8). Черезъ неопредѣленное время этой силѣ сатаны будетъ дана, по вѣчному опредѣленію Божию, вновь свобода (Апок. 20, 7); въ лицѣ антихриста она будетъ окончательно побѣждена, и тогда наступитъ всеобщій судъ, воскресеніе мертвыхъ (Апок. 20, 11—14). Но и нынѣ, раньше этого всеобщаго воскресенія, святые уличили „первое воскресеніе“. Такъ какъ объ этихъ святыхъ говорится, что „надъ ними смерть вторая не имѣетъ власти“

¹⁾ H. Alford, The Greek Testament, v. 1: The four Gospels, Cambridge, 1898, p. 38.

(Апок. 20, 6), а „смерть вторая“, составляющая противоположность первой физической смерти, есть смерть духовная; то и „первое воскресеніе“ имѣть, очевидно, чисто духовный характеръ,—совершается на небѣ и выражается въ духовномъ соцарствованіи Христу. Будущее царство славы не имѣть ничего чувственнаго, вещественнаго, грубо матеріальнаго. какъ представляютъ его хиліасты, и ни одно изъ дальнѣйшихъ изреченій блаженствъ Господнихъ, какъ и разсматриваемое нами, не можетъ быть понимаемо въ хиліастическомъ смыслѣ.

И нищенство духомъ, и духовный плачъ, и кротость говорить о томъ, что мы ищемъ всѣми силами своей души чего то вѣчнаго, не удовлетворяемся землею. Чего же мы ищемъ?

IV.

Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся.

О какой правдѣ здѣсь учить Христосъ Спаситель? О правдѣ общественной, правдѣ соціальной, о которой такъ много нынѣ говорятъ? Да, и эта правда можетъ здѣсь включаться, ибо правда Христова должна проникнуть въ самыя сложныя жизненныя отношенія и, наоборотъ, всякая неправда должна быть изгнана. Но Христосъ Спаситель, какъ мы сказали, не соціальный реформаторъ и Его ученіе вовсе не заключаетъ въ себѣ какой-нибудь соціальной программы. Слово Христа обращается прежде всего къ отдельной человѣческой душѣ и ее имѣть въ виду обновить; оно требуетъ личнаго духовнаго творчества. И въ данномъ случаѣ разумѣется именно правда внутренняя, правда личная.

Псалмопѣвецъ взываетъ: „Господи, путеводи меня въ правдѣ Твоей“ (Пс. 5, 9); „укажи мнѣ, Господи, пути Твои и научи меня стезямъ Твоимъ“ (Пс. 24, 4). Объ этой правдѣ всегда помышляли ветхозавѣтные праведники, они алкали

и жаждали ея достиженія, и Мессія, какъ Онъ пророчески изображается, будетъ „препоясанъ правдою“ (Ис. 11, 5; Іер. 23, 5); Онъ будетъ „отрасль правды“ (Іер. 33 15), „сотворить судъ и правду на земли“ (Іер. 23, 5), содѣлается искупительною жертвою для нашего оправданія (Ис. 53, 11). Господь будетъ судить правдою (Ис. 11, 4), омыть скверну „духомъ суда“ Своего (Ис. 4, 3), „оправдаетъ праведнаго“ (Ис. 53, 11), дастъ „духъ новый“, на мѣсто сердца каменнаго дастъ сердце плѣтяное (Іезек. 11, 19; см. также: Ос. 2, 19; 3, 5; Мих. 4, 2). Взывали и молились благочестивые во Израилѣ, чтобы имъ служить Богу правдою во всю свою жизнь (Лук. 1, 75).

И эта ожидаемая правда явилась въ Новомъ Заветѣ. Ею будутъ насыщены примиренные, искупленные во Христѣ Иисусѣ, получившіе новую жизнь, при освященіи ихъ отъ Духа. Эта правда—даръ Божій; она выступила на мѣсто закона, который не могъ дать праведности (Римл. 3, 21—26; 7, 24; 8, 2, 4; и др.). Исполнилось слово пророка: „жаждущіе, идите на воду“ (Ис. 55, 1), ибо Христосъ призываетъ: „аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піеть“ (Іоан. 7, 37, ср. 4, 13, 14).

Но настоятельно нужно выдвинуть другую сторону въ понятіи евангельской правды. Правда, какъ даръ Божій, какъ оправданіе, данное Богомъ, на мѣсто закона, какъ новый благодатный принципъ жизни, требуетъ съ нашей стороны плодовъ, дѣлъ благихъ, или жизни добродѣтельной. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды*, т. е. блаженны тѣ, которые стараются сообразовать свою волю съ волею Божіею, которые всецѣло желаютъ быть одушевлены исполненіемъ закона Божія. Правда Христова есть правда внутренняя; она основана на любви: въ ней нѣтъ лицемерности, какой-нибудь вышней показности (Матѣ 6, 1 и дал.). „Аще не избудетъ правда ваша“—говоритъ Христосъ—„иначе книжники и фарисеи, не увидите въ царствіе небесное“ (Матѣ 23, 23).

5, 20), а фарисеи считали себя праведными, хотя дѣлать милости и любви не творили (Матѣ. 23, 1 и дал.). Въ этомъ смыслѣ *„правда Христова“ есть правда, справедливость жизни, на основѣ достигнутого нами примиренія во Христѣ.*

Св. І. Златоустъ выдвигаетъ частную сторону въ понятіи евангельской правды. Христосъ, говоритъ онъ, „называетъ блаженными тѣхъ, которые стараются о правдѣ, воспрещающей хищеніе и любостяжаніе.. Поступая справедливо, не бойся бѣдности и не страшись голода. По истинѣ, тѣ то особенно и лишаются всего, которые похищаютъ чужое, а кто любитъ справедливость, тотъ владѣетъ всѣмъ безопасно“¹⁾.

„Алчущіи и жаждущіи правды“,—выраженіе указываетъ на сильнѣйшее желаніе правды, безъ удовлетворенія котораго и сама жизнь не имѣетъ подлинной настоящей цѣли. „Какъ маня желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже“ (Пс. 41, 2); „Тебя жаждетъ душа моя, чтобы видѣть силу Твою и славу Твою“ (Пс. 62, 2).

Кто такъ страстно желаетъ правды, тотъ, естественно, стремится, чтобы она осуществлялась какъ въ немъ самомъ, въ его личномъ духовномъ творчествѣ, такъ и въ другихъ людяхъ. Отсюда христіанская личность дѣйствуетъ преобразующимъ и одухотворяющимъ образомъ и на общество. Справедливостью христіанскою должны проявиться всѣ людскія отношенія: семейныя, общественныя, государственныя, экономическія. Не должно быть хищенія и любостяжанія. Ищутъ „правды“ и современныя социальныя теоріи, но эта правда, какъ уже видно изъ раньше сказаннаго, основывается на уравниніи имуществъ и благъ земныхъ, о какомъ равенствѣ Христосъ никогда не училъ, и при томъ „правда“ социалистовъ утверждается на основаніи, что безусловно исключается духомъ Христова ученія.

¹⁾ Т. VII, стран. 153.

Синайское законодательство возбуждало въ благочестивыхъ алчбу и жажду правды, а въ Новомъ Заветѣ эта алчба и жажда удовлетворена: мы насыщены,—мы оправданы предъ Богомъ во Христѣ. Какъ даръ Божій, какъ оправданіе по благодати чрезъ крестную жертву Христову, „правда“ есть нѣчто вседовольствующее. „Отъ божественной силы Яго даровано намъ все потребное для жизни и благочестія чрезъ познаніе Призвавшаго насъ славою и благодатью“ (2 Петр. 1, 3). Но Евангельская правда, какъ правота жизни, какъ справедливость, въ этой жизни не можетъ быть, конечно, вполне осуществлена. Мы будемъ насыщены ею только въ новомъ небѣ и новой землѣ, на которыхъ, по слову Апостола, „обитааетъ правда“ (2 Петр. 3, 13).

Блаженство Христово о правдѣ занимаетъ центральное мѣсто въ ряду другихъ блаженствъ. Раньше, въ первыхъ трехъ блаженствахъ, говорилось главнымъ образомъ о правдѣ въ отношеніи къ самому себѣ, о правдѣ христіанскаго настроенія, а дальше идетъ рѣчь преимущественно о правдѣ въ отношеніи къ другимъ, о правдѣ христіанскаго поведенія.

Правда намъ дарована. И мы должны приносить плоды правды (Гал. 3, 18). Каковы же эти плоды? Каково должно быть дѣйствіе гражданъ царства Божія?

Кто живетъ по правдѣ Христовой, тотъ не можетъ не быть милостивымъ.

V.

Блаженни милостивіи, яко тии помиловани будутъ.

Блаженство Господне говоритъ о необходимости состраданія, или сострадательной любви къ ближнимъ, когда ихъ скорби и несчастья дѣлаются нашими скорбями и несчастьями и мы стараемся всически ихъ облегчить. „Милости—говоритъ Господь—хочу, а не жертвы“ (Мате. 9, 13), т. е. хочу состраданія къ людямъ. Что значить множество жертвъ и приношеній, когда сердце наше безчувственно къ

нуждѣ и горю другихъ? Книжники и фарисеи дѣлали обильныя приношенія на храмъ, и въ тоже время „снѣдали дома вдовицъ“ (Матѳ. 23, 14), и „оставили важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость (т. е. состраданіе) и вѣру“ (Матѳ. 23, 23). Величайшимъ образцемъ сострадательной любви къ людямъ является Самъ Христосъ: Онъ первосвященникъ милостивый (Евр. 2, 17); вся Его жизнь исполнена милосердія къ людямъ. „Помилуй мя, Іисусе, Сыне Давидовъ“ (Матѳ. 9, 27), выывали несчастные страдальцы и Господь оказывалъ имъ милость: слышимъ изъ устъ Его нѣжное, кроткое слово Наинской вдови: „не плачь“ (Лук. 7, 13).

Христіанское милосердіе или состраданіе не есть простая естественная жалость, когда мы желаемъ только устранить непріятный, раздражающій насъ, видъ человѣческихъ страданій. Оно опирается на то, что всѣ мы содѣлались членами царства Христова, по великому милосердію Божію, опытно дознали на себѣ божественное къ намъ спяхожденіе, а потому должны фактически проявить свою милость и къ другимъ членамъ этого царства. „Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть“ (Лук. 6, 36). Таковъ законъ царства Божія. Если мы его не осуществляемъ, то уподобляемся гордымъ своею мнимою самоправедностью книжникамъ и фарисеямъ, которые презирали грѣшниковъ, обличали Христа въ томъ, что Онъ обращается съ мытарями и грѣшниками (Матѳ. 9, 11) и безсердечно говорили неслѣдственному Христу, слѣдпорожденному: „во грѣхахъ ты весь родился“ (Іоан. 9, 34). Мы, конечно, должны быть безконечно далеки отъ этого фарисейскаго нравственнаго самопревозношенія. „Хотя бы мы сдѣлали бѣзчисленное множество добрыхъ дѣлъ, мы будемъ услышаны по милосердію и человеколюбію (Божію); хотя бы мы достигли самой вершины добродѣтели, мы спасаемся по милости Божіей“ ¹⁾.

¹⁾ Св. І. Златоустъ, Творенія, т. V, стран. 17.

Горе, нужда, страданія, какъ неизбежное слѣдствіе нравственнаго зла, являются препятствіемъ къ созиданію и развитію царства Божія на землѣ, и ихъ всячески нужно облегчать, какъ облегчалъ ихъ Христосъ. Есть разные виды страданій и существуютъ разныя формы христіанскаго состраданія. Не можемъ помочь матеріально, поможемъ словомъ утѣшенія; не можемъ дать послѣдняго, поплачемъ вмѣстѣ съ плачущими (Римл. 12, 15). „Милосердіе тотъ, кто наставляетъ заблуждающагося, научаетъ неувѣдущаго, утѣшаетъ удрученнаго, одѣваетъ нагого, питаетъ алчущаго, прощаетъ согрѣшающему его долги, молится за согрѣшающихъ“¹⁾.

Кругомъ насъ всегда много всякаго рода нужды, и неужели кто нибудь серьезно убѣжденъ, что ее могутъ постепенно изгнать изъ міра, путемъ разныхъ насильственныхъ мѣръ, современныя соціально-экономическія теоріи? Нѣтъ, ее не изгнать, а только облегчить евангельское: *блажени милостивіи*, если оно будетъ осуществляться въ нашей жизни. Христіанское милосердіе избираетъ разные пути помощи ближнимъ, и одною изъ его формъ является христіанская милостыня.

„Какою мѣрою мѣрятье, такою и вамъ будутъ мѣрять“ (Матѣ. 7, 2). Милость къ ближнимъ привлечетъ къ намъ и милость Божию, — и здѣсь, когда ветхій человѣкъ къ намъ приближается и мы имѣемъ нужду въ прощающемъ милосердіи Божиимъ, и на послѣднемъ Божіемъ судилищѣ, когда дадимъ отвѣтъ за всѣ свои дѣла (2 Коринф. 5, 10). „Хвалится милость на судѣ“ (Іак. 2, 13). „Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ (т. е. нечестнымъ, ненадежнымъ, скоропреходящимъ), чтобы они, когда обнищаете (т. е. жизнь ваша прекратится), приняли васъ въ вѣчныя обители“ (Лук. 16, 9).

1) R. Cornely, *Cursus Scripturae sacrae: Commentarius in Evangelium secundum Matthaeum*, Parisiis, 1892, p. 187.

Христіанское милосердіе должно соединяться съ чистою сердца, опредѣляться всегда чистыми, несвоекорыстными, не эгоистическими мотивами.

VI.

Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрѣтъ.

Псалмопѣвецъ молится: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже“ (Пс. 50, 12). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же псалмопѣвецъ говоритъ: „кто възидетъ на гору Господню, или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ его“ (Пс. 23, 3)? Такая близость къ Богу и благословеніе отъ Бога возможны только для того, кто „неповиненъ руками и чистъ сердцемъ“ (23, 4). Господь благъ, прензобильно благъ, „правымъ сердцемъ“ (Пс. 72, 1). Сердце, по библейскому воззрѣнію, это наша душа, все наше внутреннее существо; отъ него исходитъ и благое, и злое (Мат. 15, 19; Лук. 6, 45). Сердце чистое—это сердце освященное Духомъ Божиимъ; въ немъ нѣтъ лукавства, лжи, обмана. Въ чистомъ сердцѣ нѣтъ двоедушія, лицемерія, непрямоты, какихъ-нибудь своекорыстныхъ побужденій. Чистое сердце и вѣру имѣетъ нелицемѣрную, и любовь истинную (1 Тим. 1, 5); оно не знаетъ какихъ-нибудь хитрыхъ, обходныхъ путей, а всегда сохраняетъ простоту, цѣлостность и искренность. „Аще убо будетъ око твое (все твое внутреннее существо) просто, все тѣло твое свѣтло будетъ“ (Мат. 6, 22).

Христосъ Спаситель заповѣдуетъ чистоту помысловъ, чувствъ, всѣхъ нашихъ намѣреній. Правда Христова составляетъ полную противоположность правдѣ, или, лучше, лжеправдѣ фарисейской. „Горе вамъ“—говоритъ Христосъ—„книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри онѣ полны хищенія и несправды. Фарисей слѣпой: очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была внѣшность ихъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобяетесь

окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты; такъ и вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерія и беззаконія“ (Матѳ. 23, 25—28).

Чистое сердце—это величайшее благо для человѣка. Отъ него не исходитъ то, что рождаетъ сердце нечистое: „злые помыслы, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія“ (Матѳ. 15, 19). Если мы имѣемъ чистое сердце, если сердце наше не осуждаетъ насъ (1 Иоан. 3, 21), то радости нашей никто не можетъ отъ насъ отнять (Иоан. 16, 22).

И велика награда за чистоту сердца: *яко тии Бога узрятъ*. Говорится не о познаніи Бога, а о Его созерцаніи нами. Въ этой жизни такимъ органомъ созерцанія мы не владѣемъ, а „видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло“ (1 Корин. 13, 12). Но чистое сердце и здѣсь уже исполнено близостью Бога, внутренно созерцаетъ Его, что особенно нужно сказать о великихъ подвижникахъ. Полное созерцаніе Бога наступитъ въ будущей жизни, когда узримъ „лицемъ къ лицу“ (1 Корин. 13, 12), „узримъ Его, якоже есть“ (1 Иоан. 3, 2). „Богъ свѣтъ есть“ (1 Иоан. 1, 5), Богъ живетъ во „свѣтѣ неприступнѣмъ“ (1 Тимоѳ. 6, 16), и только для чистыхъ сердцемъ этотъ свѣтъ откроется, безъ святости же и чистоты сердца „никто не увидитъ Бога“ (Евр. 12, 14).

Въ Ветхомъ Завѣтѣ праведники видѣли только „славу Божию“ (Числ. 12, 8), т. е. какъ бы отблескъ, отраженіе существа Божія, обнаруживавшагося въ извѣстныхъ чувственныхъ формахъ (Исх. 33, 18 и дал.), по лица Господня не могли видѣть, „но бо узритъ человѣкъ лице мое и живъ будетъ“ (Исх. 33, 20). И это поселяло въ ветхозавѣтныхъ праведникахъ ясную надежду на воскресеніе (Пс. 26, 19; Іезек. 37, 1—14; Дан. 12, 2), когда они исполнятся веселія, при созерцаніи лица Божія (Пс. 15, 11). Въ Новомъ Завѣтѣ мы созерцали „славу Единороднаго“ (Иоан. 1, 14), „образъ

Бога невидимаго" (Колос. 1, 15), созерцаемъ нынѣ „славу Господню" съ открытымъ лицомъ (2 Корин. 5, 18), безъ всякихъ символовъ и аллегорій. Но видѣнное созерцаніе Бога повучимъ только по воскресеніи, если будемъ чисты сердцемъ.

Мірѣ страдаетъ не только отъ разнаго гора, нужды, которую можетъ облегчать единственно христіанское милосердіе, но онъ страждетъ и отъ раздѣляющей его вражды, взаимной непріязни, разнаго рода немирности. Поэтому Христосъ Спаситель ублажаетъ даѣте тѣхъ, которые творять миръ (ср. Іак. 3, 18).

VII.

Блажени миротворцы, яко тии сынове Божіи нарекутся. Царство Христово есть царство мира, о чемъ не одинъ разъ предрекалось въ Ветхомъ Заветѣ „Возсіяетъ"—говоритъ псалмопѣвецъ—„во дни его (т. е. Мессіи) правда и множество мира" (Пс. 71, 7). „Да принесутъ горы миръ людемъ и холмы правду" (Пс. 71, 3). Мессія есть „князь мира" (Пс. 9, 6). Онъ посlegtъ благовѣстниковъ мирныхъ: „какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благое" (Ис. 52, 7, ср. Римл. 10, 15).

Ветхозавѣтные праведники молитвенно зывали: „Господи, Боже нашъ, миръ намъ даждь" (Ис. 26, 12). И этотъ миръ, давно ожидаемый, явился на землю, о чемъ воспѣли ангелы, при рожденіи Спасителя: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ" (Лук. 2, 14). Христосъ „есть миръ нашъ" (Ефес. 2, 14 и дал.); въ Христѣ нѣтъ ни іудея, ни эллина (Колос. 3, 11); прежняя стѣна, раздѣляющая міръ іудейскій отъ міра языческаго, теперь разрушена (Ефес. 2, 14). И члены царства Христова не только имѣютъ миръ въ себѣ (Мар. 9, 50), но распространяютъ его и „вокругъ себя, на основѣ христіанской любви, кротости, терпѣнія. Они благо-

вѣствуютъ миръ (Римл. 10, 15); они не только „мирные“ ¹⁾, но и „миротворцы“, т. е. вездѣ, гдѣ возможно, утверждаютъ, сохраняютъ миръ и устраняютъ изъ жизни всякаго рода несогласіе и немирность. Если сдѣлать небольшое отступленіе, мы должны сказать, что этой немирности и несогласія нынѣ особенно много; мы слишкомъ недоувѣрчиво и иногда прямо озлобленно относимся другъ ко другу. Нужны христіанскіе миротворцы, которые не разжигаютъ страстей, не дѣлаютъ человека врагомъ другого человека. „Чтобы увѣриться тебѣ—говоритъ св. І. Златоустъ—что нѣтъ ничего гибельнѣе (внутренняго) раздора и несогласія, послушай, что говоритъ Христосъ: *всякое царство, раздѣлившееся на ся, зануетъ* (Матт. 12, 25). Что, кажется, могущественнѣе государства, у котораго есть и денежные доходы, и оружіе, и стѣны, и крѣпости, и огромное войско, и конница, и безчисленное множество другихъ средствъ, увеличивающихъ его силу? Однако, если въ немъ возникаетъ междоусобіе, вся эта сила сокрушается, ибо ничто не ослабляетъ (общества) такъ, какъ ссоры и распри“ ²⁾. Нужны христіанскіе миротворцы, а въ наши дни особенно,—и въ семейной, и въ общественной, и въ государственной жизни.

„Если возможно съ вашей стороны“—говоритъ Апостолъ—„будьте въ мирѣ со всѣми людьми“ (Римл. 12, 18). „Если возможно“,—значитъ иногда бываетъ и невозможно. И дѣйствительно „иногда невозможно быть въ мирѣ, наприкладъ, когда идетъ рѣчь о благочестіи, когда возникаетъ борьба за обижаемыхъ... Смыслъ словъ апостола таковъ: насколько зависишь отъ тебя, никому не подавай повода ко враждѣ и ссорѣ,—ни іудею, ни язычнику; если же увидишь, что какъ нибудь нарушается благочестіе, не предпочитай

¹⁾ Vnlg.: pacifici.

²⁾ Св. І. Златоустъ, Творенія, т. I, стран. 667, 668.

согласія истинѣ, постоя за нее мужественно, даже до смерти: но и въ этомъ случаѣ не враждуй душею, не отвращайся добрымъ расположеніемъ, а возставай только противъ поступковъ.. Если бы другой не соблюдалъ мира, ты не воздвигай бури въ душѣ своей, но внутренно будь его другомъ, однакоже нимало не измѣняя истинѣ“ ¹⁾. Зло часто мирно уживается со зломъ; такого мира христіанинъ, конечно, не знаетъ, и онъ возстановляетъ и утверждаетъ миръ тѣмъ, что даетъ силу добру, приводитъ въ дѣйствіе высшія стороны нашего духа.

Яко тѣмъ сынове Божіи нарекутся, ибо „и дѣло Единороднаго Сына Божіи состояло въ томъ, чтобы соединить раздѣленное и примирить враждующее“ ²⁾. Мы и нынѣ „чада Божіи“, „сыны Божіи“ по благодати возрожденія. „Всѣ водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи“ (Римл. 8, 14), „Самый Духъ свидѣлствуетъ духу нашему, что мы—дѣти Божіи“ (Римл. 8, 16). „Всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса“ (Гал. 3, 26) „Ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наследникъ Божій чрезъ Іисуса Христа“ (Гал. 4, 7; ср. Римл. 8, 17). По миротворцы не только сыны Божіи *суть*, но и *нарекутся* сынами Божіими, т. е. будутъ явлены въ этомъ своемъ величайшемъ достоинствѣ или будутъ прославлены. Здѣсь они бывають гонимы и унижаемы; миръ ненавидитъ ихъ миръ; не признается ихъ великое достоинство, какъ подражателей Богу мира (2 Коринѣ 13, 11), а только тамъ, въ будущей жизни, вполне откроется ихъ слава. Однако, уже и нынѣ, незримо для міра, они нарекаются „сынами Божіими“ за тѣ благословенія, которыя они приносятъ міру своимъ миромъ.

¹⁾ *Св. І. Златоустъ*, Творенія, т. IX, стран. 770.

²⁾ *Св. І. Златоустъ*, Творенія, т. VII, стран. 154.

Міръ враждебно относится къ христіанскимъ миротворцамъ, и не только къ нимъ, а--и къ пищимъ духомъ, плачущимъ, кроткимъ, алчущимъ и жаждущимъ правды и дал. Идеаль правды Христовой несовмѣстимъ съ „правдою міра“. И, заключая свои блаженства, Христосъ Спаситель показываетъ, какъ міръ будетъ относиться къ членамъ Его царства, Его вѣрнымъ послѣдователямъ и въ чемъ они должны находить для себя истинное ободреніе и утѣшеніе.

VIII.

Блажени изнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Какъ бы усиливая и ближе разъясняя это блаженство,—показывая, что правда, ради которой будутъ гонимы Его послѣдователи, есть Его правда, правда основаннаго Имъ царства, Христосъ Спаситель говоритъ: *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и издегнутъ, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжущіе, мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ: тако бо изнана пророки, иже (бѣша) прежде васъ.*

Итакъ, правда Христова, т. е. правда христіанскаго настроенія, правда христіанскаго слова и дѣла, христіанское благочестіе, необходимо встрѣтитъ вражду со стороны міра. Это неизбежно,—такъ же неизбежно, какъ—борьба свѣта съ тьмою, истины съ ложью, жизни со смертію. Христосъ говоритъ сынамъ Своего царства: будете страдать, васъ ожидаетъ путь узкій и тернистый, но вы блаженны въ своихъ страданіяхъ. Не потому вы блаженны, что страдаете, а блаженны по той причинѣ, что страдаете за правду, ради Меня, или ради Моей правды; только въ такомъ случаѣ страданія получаютъ высшій смыслъ. Какъ бы имѣя въ виду это блаженство Христова, ап. Петръ утѣшаетъ страждущихъ христіанъ: „если страдаете за правду, то вы блаженны; а страха ихъ (т. е. гонителей и хулителей христіанъ) не бойтесь и не смущайтесь“ (1 Петр. 3, 14). И въ другомъ мѣстѣ: „если

злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны, ибо Духъ славы, Духъ Божій поживаетъ на васъ: тѣми Онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадать кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь" (1 Петр. 4, 14—16). „Чтобы ты не подумалъ"—говорить св. І. Златоустъ—„что одни поношенія, какія бы то ни было, дѣлають людей блаженными, Христосъ опредѣляетъ эти поношенія двумя видами: именно, когда мы терпимъ ихъ ради Него, и когда они будутъ ложны. Если же не будетъ ни того, ни другого, то поносимый не только не блаженъ, но и несчастливъ" ¹⁾ „Мучениками"—говорить бл. Августинъ—„дѣлаетъ не наказаніе, а причина наказанія", т. е. не то, что страдаютъ, а то, за что страдаютъ.

„Хотя бы васъ называли обманщиками, льстецами, злодѣями или другимъ какимъ именемъ, вы все же блаженны" ²⁾, если страдаете за правду Христову, ибо вы наслѣдники вѣчной жизни, царствія небеснаго и васъ ожидаетъ великая награда на небесахъ. Это награда за „дѣло вѣры, и трудъ любви, и терпѣніе упованія Господа нашего Іисуса Христа" (1 Солун. 1, 3),—награда, безконечно превосходящая нашъ подвигъ и трудъ (Матт. 19, 29; Марк. 10, 29 и дал.). Конечно, не ради награды христіанинъ подвизается,—Евангеліе не заключаетъ въ себѣ какого нибудь эвдемонизма, а награда является только естественнымъ плодомъ христіанскаго подвига; она свидѣтельствуетъ о видимомъ торжествѣ правды надъ неправдою.

Современные матеріалисты и позитивисты этого блаженства Господня, какъ и другихъ блаженствъ, совершенно, конечно, понять не могутъ. Что для нихъ правда Христова,—

¹⁾ Творенія, т. VII, стран. 155.

²⁾ Ibid., стран. 154.

правда внутренняя, идеальная, очищающая сердце, когда они всеми корнями своей души вросли, какъ сказано, въ землю и знаютъ только экономику человѣческой жизни? Что для нихъ награда на небесахъ, когда они потеряли вѣру во все небесное и знаютъ только награду здѣсь на землѣ? Страшно становится за человѣка, когда въ немъ умозкли высшія духовныя стремленія и все измѣряется матеріальною мѣрою и вѣсомъ...

Праведникъ страдаетъ,—это, повидимому, великая жизненная антиномія. Но мы вѣримъ въ вѣчную правду Божію и потому не должны этимъ смущаться. „Нынешнія временныя страданія—говоритъ Апостолъ—ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ“ (Рим. 8, 18). Ваши страданія—пишетъ св. Павелъ Солунскимъ христіанамъ—служатъ доказательствомъ того, „что будетъ праведный судъ Божій, чтобы вамъ удостоиться царствія Божія, для котораго и страдаете. Ибо праведно предъ Богомъ оскорбляющимъ васъ воздать скорбію, а вамъ оскорбляемымъ отрадою вмѣстѣ съ нами, въ явленіе Господа Іисуса Христа съ неба, съ ангелами силы Его“ (2 Солун. 1, 4—7).

По слову Господа, членовъ Его царства будутъ преслѣдовать и словомъ, и дѣломъ; болѣе частный видъ поношенія словомъ—это возведеніе на нихъ всякой клеветы. Собщниками ихъ страданій являются ветхозавѣтные пророки, и это служить не малымъ нравственнымъ укрѣпленіемъ и ободреніемъ, ибо страданія легче переносятся, когда знаешь, что и великіе мужи, каковы Моисей и Ілия, подвергались незаслуженно тому же. „Кого изъ пророковъ“—говоритъ въ своей рѣчи къ іудеямъ первомученикъ Стефанъ—„не гнали отцы ваши“ (Дѣян. 7, 52)? „Въ примѣръ злостраданія и долготерпѣнія возьмите, братія моя, пророковъ, которые говорили именемъ Господнимъ“ (Іак. 5, 10; см. также Матѣ. 23, 29—31; 1 Солун. 2, 15; Евр. 11, 26), пишетъ ап. Іаковъ.

Таковы блаженства Христовы... „Что, кажется, странно такихъ наставленій“—говоритъ св. І. Златоустъ: „называть возжелѣннымъ для человѣка то, чего, по мнѣнію другихъ, нужно избѣгать, то есть: нищету, слезы, гоненія, поношенія. И однако Онъ не только изрекъ эти заповѣди, но внушилъ къ нимъ и вѣру, и убѣдилъ не двухъ, не десять, не двадцать, не сто, или тысячу человѣкъ, а всю вселенную. И толпы народа, слушая столь... противныя общему понятію наставленія, изумлялись. Такова была сила словъ небеснаго Наставника“¹⁾.

IX.

Въ св. Луки находитея только четыре блаженства. Они читаются такъ: *блажени нищии духомъ* (или по лучшему чтенію: „блажени нищіе“)²⁾, *яко ваше есть царствіе Божіе. Блажени плачущіи нынѣ, яко насытитесь. Блажени плачущіи нынѣ, яко возмѣтятся. Блажени будете, егда возненавидѣтъ васъ человекъ, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло Сына человеческого ради. Возрадуйтесь въ той день и возрадуйте: се бо мзда ваша многа на небеси; но сѣмъ бо творяху пророкомъ отцы ихъ* (Лук. 6, 20)—23).

Блаженства эти, по содержанію своему, совпадаютъ съ первымъ, вторымъ, четвертымъ и восьмымъ блаженствами, находимыми въ св. Матвея и различаются отъ нихъ только по формѣ, именно вмѣсто третьяго лица: „тѣхъ есть царствіе небесное“, „насытитсѣ“, „утѣшатсѣ“ избирается форма прямого обращенія къ тѣмъ, кому говорится: „ваше есть царствіе Божіе“, „насытитесь“, „возмѣтятся“. Хотя при словахъ: „нищіе“, „плачущіи“, „утѣшати“ нѣтъ въ св. Луки ближайшихъ опредѣленій, но это нисколько не даетъ пра-

¹⁾ Творенія, т. VII. стран. 154—155.

²⁾ Это чтеніе принимается всеми новѣйшими критиками и экзегетами.

ва пониматъ ихъ въ строго буквальный смыслъ. Здѣсь каждое понятіе имѣетъ религіозно-нравственный смыслъ. Бѣдность сама по себѣ, какъ и физическія страданія сами по себѣ, еще далеко не привлекаютъ на насъ милости и благо словеній Божіихъ, а необходима духовная бѣдность, духовная алчба и жажда. Бѣдность, какъ и богатство, имѣетъ свои искушенія, и фактъ только несомнѣнный, что бѣдность, страданія ведутъ часто къ смиренію, а — богатство къ гордости, надменности, жестокосердію. Христосъ нигдѣ не говоритъ, что бѣдныхъ Онъ поставитъ на своемъ послѣднемъ судѣ по правую, а богатыхъ — по лѣвую сторону. Согласно слову Спасителя, можно собирать не себѣ, а можно въ Бога богатѣть (Лук. 12, 21).

Четвертое Христово блаженство у Луки, по сравненію съ восьмымъ блаженствомъ Спасителя въ ев. Маттея, имѣетъ нѣкоторыя усиленныя выраженія *Возненавидятъ васъ человецы*; далѣе: *егда разлучатъ вы*, т. е. прекратятъ съ вами всякое общеніе; можно разумѣть здѣсь и отлученіе отъ синагоги (Іоан. 16, 2)¹⁾. *И пронесутъ имя ваше яко зло*, — имя не каждаго въ отдѣльности гонимаго ученика Христова²⁾, а имя вообще христіанское, какого имени не будутъ желать и произносить³⁾. *Возрадуйтесь въ той день и възвѣшайте*, — „въ той день“, т. е. когда подвергнетесь всяческой людской ненависти и поношенію.

¹⁾ *F. Godel*, Kommentar zu dem Evangelium des Lucas, deutsch bearb. v. *O. Wunderlich*, Hannover, 1890, S. 225; иначе *E. Nosgen*, Die Evangelien nach Matthäus, Marcus und Lucas въ Kurzg. Kommentar herausg. v. *H. Strack* und *O. Zöckler* 2 Aufl., München, 1897, S. 323, который не видитъ, впрочемъ, здѣсь указанія на опредѣленные синагогальныя формы отлученія.

²⁾ Противъ *Nosgen'a* (Op. cit. S. 323).

³⁾ *C. Keil*, Commentar über die Evangelien des Marcus und Lucas, Leipzig. 1879, S. 279, 280.

Для лучшаго запечатлѣнія въ сердцахъ учениковъ своихъ блаженствъ Господь, согласно ев. Луки, присоединяетъ къ чотыремъ блаженствамъ чотыре раза повторяемое „горе“; по контрасту можно судить, насколько несчастны тѣ, которые не стремятся къ правдѣ Христовой. *Обаче горе вамъ богатымъ*—говорить Христось—*яко отстоите утѣшенія вашего*, т. е. ищущіе счастья только въ земныхъ благахъ, ничего кромѣ нихъ не признающіе и не желающіе, безконечно далеки отъ того, чтобы найти истинное духовное утѣшеніе. *Горе вамъ насыщенніи нынѣ, яко взалчете*,—„насыщенніи“: они всецѣло насыщены земнымъ и алчба духовнаго, небеснаго въ нихъ умолкла. *Горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко възрыдаете и восплачете*: это—смѣющіеся радостью міра сего, утопающіе въ земныхъ, чувственныхъ удовольствіяхъ. *Горе, егда добръ ркутъ вамъ вси люди: по симъ бо творяху аже пророкомъ отцы ихъ*. „И объ Апостолахъ говорили доброе, но не лѣѣ. Поэтому Онъ и не сказалъ: когда доброе будутъ говорить объ васъ люди, но прибавляетъ слово: *всѣ*. Дѣйствительно, невозможно, чтобы добродѣтельные всѣми были хвалыми“. Кого всѣ хвалятъ, тотъ угождаетъ не Богу, а людямъ (Гал. 1, 10).

Считаемъ пущимъ замѣтить, что гр. Л. Толстой принимаетъ блаженства евангельскія только въ томъ числѣ и въ той формѣ, въ какой они изложены у Луки, и кромѣ того совершенно извращаетъ самое ихъ содержаніе. Онъ договорился до такой неслѣпости, что, по его мнѣнію, христіанское смиреніе не можетъ соединяться съ алканіемъ правды, съ милостью, съ чистотою сердца. И награды—говоритъ онъ—„обѣщаемыя за перечисленныя свойства, противоположны понятію смиренія: „увидать Бога, получать землю, нарекутся сынами Воиими“¹⁾. Есть ли смыслъ въ

¹⁾ Соединеніе и переводъ чотырехъ Евангелій, т. I, изд. М. К. Олпидина, Genève, 1892, страи. 191.

этихъ словахъ²⁾. И однако, на основаніи этихъ своихъ нефѣпыхъ разсужденій, гр. Толстой пришелъ къ не менѣе нефѣпому выводу, что пять блаженствъ Господнихъ—о кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, о милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ и миротворцахъ, какъ не вытекающіе изъ понятія смиренія, нужно опустить¹⁾. Только полное нефѣжество въ библейской области могло привести гр. Толстого къ утвержденію, что „нищій“ (πτωχός) означаетъ только „бездомовника“. Для гр. Толстого, какъ и для многихъ западныхъ раліоналистовъ, перво-христіанство представляется какимъ то обществомъ нищихъ, бѣдняковъ. Забываютъ, что въ числѣ послѣдователей Христа были и люди богатые (Лук. 8, 2—3), что Христосъ и Его ученики могли раздавать милостыню нищимъ (Іоан. 13, 29). Послѣ раньше сказаннаго намъ вовсе нѣтъ нужды подвергать разбору толкованію гр. Толстого, что только „нищіе“ могутъ войти въ царство Божіе, а для богатыхъ оно закрыто.

Мы разсмотрѣли путь правды евангельской на основанія блаженствъ Христовыхъ. Какъ видимъ, это путь не только отличный, но и безусловно противоположный пути, указываемому социализмомъ. Все здѣсь имѣетъ характеръ внутренній, религіозно-нравственный, а не социально-экономическій; все обращается къ нашей душѣ, которую Спаситель желаетъ возродить. Слово евангельское безусловно обязательно для всѣхъ насъ, ибо Евангеліе не знаетъ морали низшей, повседневной и морали высшей, такъ сказать, аристократической. Путь Христовыхъ блаженствъ—путь узкій и тѣсный, но гдѣ подлинная нравственная жизнь, тамъ неизбѣжный трудъ и подвигъ. Слово Спасителя насъ воодушевляетъ, ободряетъ и утѣшаетъ, но въ тоже время своимъ

²⁾ Ibid. стран. 192.

„горе“ и угрожаетъ. Слово это изрекается съ необыкновенною силою, съ величайшимъ спокойствіемъ и божественнымъ авторитетомъ. Истинный ученикъ Христовъ возрадуется и возвеселится; слезы наши, если это истинныя слезы, будутъ омыты (Апок. 21, 4). Только Сынъ Божій, Повелитель неба и земли, могъ преподавать намъ такое величайшее ученіе о правдѣ жизни, какое находимъ въ блаженствахъ Христовыхъ. Только Сынъ Божій, воплощенная Истина и Правда, могъ научать, что страданія за правду суть страданія за Него или ради Него. Да будетъ же Ему слава въ Церкви... во вся роды вѣка вѣковъ, аминь (Ефес. 3, 21).

Д. Богдашевскій.